

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.1.010
УДК 811.161.1'373.23 + 81'42 + 316.75

М. В. Ахметова
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия

О РЕАКТУАЛИЗАЦИИ ОДНОГО ДРЕВНЕГО КАТОЙКОНИМА (СЛУЧАЙ СТАРОЙ РУССЫ)

В статье рассматриваются колебания в употреблении названий жителей Старой Руссы в местной печати с кон. XIX до нач. XXI в. Особое внимание уделяется номинативным стратегиям в разных типах текстов (газеты, историко-краеведческая литература, художественная литература и публицистика). Название *старорусцы* (*старорусец*, *староруска*) было основной номинацией, использовавшейся для именования жителей на рубеже XIX–XX вв., а в 1940-е — первой половине 1960-х гг. — единственной, использовавшейся в районной газете; эта же номинация в советское время долго преобладала и в бытовой речи. Более старые по происхождению названия *рушане* (*рушанин*, *рушанка*) и *старорушане* (*старорушанин*, *старорушанка*) в советское время использовались преимущественно в историко-краеведческой литературе. Реактуализация названия *рушане* началась в кон. 1960-х гг. в связи с ростом интереса старорусского сообщества к местной истории и с актуализацией локальной идентичности (в частности, благодаря экскурсионно-краеведческой деятельности и созданию Старорусского землячества). Окончательная реставрация этой номинации (подразумевавшая как ее использование для именования современников, так и стилистическую нейтрализацию в языке газеты) в 1980–1990-е гг. была обусловлена социокультурным фоном и общественной рефлексией по поводу истории России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: катойконимы, названия жителей, историческая рефлексия, язык печати, локальная идентичность, Старая Русса.

Историческая динамика в функционировании названий жителей населенных пунктов в современной лингвистике чаще рассматривается на «макроуровне»: русская катойконимия может анализироваться в целом как область, совмещающая элементы, которые восходят к разным эпохам (праславянской, древнерусской, современной) [см.: Горпинич, 1992, 118]. Основное внимание при этом уделяется продуктивности тех или иных деривационных моделей в определенные периоды, в том числе с учетом различного словоупотребления в деловой / книжной и разговорной речи [см.: Горпинич, 1992; Левашов, 1968; и др.]. Для фактов XX–XXI вв. с социолингвистической точки зрения исследовалась зависимость выбора говорящим «старого» или «нового» варианта в зависимости от возраста, образования и т. д. [Генкин, 1997; Голанова, Крысин, 1974; Моисеева, 2010].

Реже предметом внимания становится экстралингвистический аспект усвоения новых катойконимов. В. М. Генкин выделяет следующие социокультурные факторы, обуславливающие смену моделей катойконимической номинации: урбанизация и миграции населения, «приводящие к стиранию местной катойконимической традиции»; «смена ареала бытования оттопонимной лексики», вызванная миграциями и развитием информационного обмена; использование новых форм в СМИ; «спонтанное стремление носителей языка к системности и словообразовательному единообразию в области оттопонимной лексики» и отсутствие регулятивных словарей названий жителей [Генкин, 1997, 12].

В любом случае исследователи прежде всего сосредоточиваются на адаптации новых форм, возникающих в процессе развития языка. При этом практически не попадает в сферу внимания такая значимая тенденция современной катойконимии, как реактуализация старых вариантов. Случаю подобной реактуализации, связанной с названиями жителей г. Старая Русса (Новгородская обл.), посвящена эта статья.

Катойконимы, относящиеся к Старой Руссе, рассматривались по преимуществу на материале Средних веков и раннего Нового времени. В. Л. Васильев в монографии, посвященной архаической новгородской топонимии, отмечает: «Во всех старейших письменных источниках начиная с XI в. город именуется *Руса*, а его жители — *рушане*. <...> Если до XVII в. имя жителей *рушане* было единственно возможным, то в нач. XVII в. наряду с ним уже употреблялись катойконимы *старорушане*, *старорусцы* <...>; в писцовых и переписных книгах Старой Руссы XVII в. перемежаются формы *рушане* и *старорушане*, причем в письменности 2-й пол. XVII в. вторая форма преобладает <...> К настоящему времени утвердился другой катойконим — *старорусцы*, старейшая форма *рушане* используется, но приобрела возвышенно-книжный оттенок, форма *старорушане* вышла из употребления» [Васильев, 2012, 623–624]. Данный обзор является наиболее полным из высказывавшихся в рамках академического дискурса суждений относительно названий жителей Старой Руссы; автор приводит цитаты

из документов XIII и XVII вв., привлечение же позднейшего материала едва ли отвечало исследовательской задаче.

Цель данной работы — рассмотреть колебания в употреблении названий жителей Старой Руссы с кон. XIX в. до наших дней и попытаться ответить на вопрос об экстралингвистических причинах этих колебаний (собственно лингвистические факторы остаются за рамками исследования). Главным образом это касается двух номинаций — *старорусцы* и *рушане*, и прежде всего фактической реставрации древнего названия во второй половине XX в., после периода деактуализации. Для этого анализируются источники разных типов (газеты, историко-краеведческая и художественная литература, публицистика), которые зачастую отражают принципиально разные номинативные стратегии, обусловленные, в частности, тем, насколько использование названий жителей рефлексировалось авторами и насколько эта рефлексия входила в задачи, определяемые типом и жанром текста. Учитывая, что номинативные стратегии могут определяться исторической рефлексией (что особенно релевантно в отношении древних городов, к каковым относится и Старая Русса), представляется перспективным рассматривать использование катойконимов в разных дискурсах в аспекте идеологии языка (*language ideology*) — как речевую практику, отражающую различные типы идентичности: национальную, социальную и т. д. [см.: Woolard, 1992, 237–238; Gal, 1992, 445–446]. Попытаемся показать, что факторы, определившие реставрацию названия *рушане*, связаны с актуализацией локальной идентичности, с ростом интереса сообщества к местной истории и с осмыслением истории России в целом.

В качестве дополнительного материала привлекаются интервью с жителями Старой Руссы, записанные в 2017 г.¹, при этом приводятся прежде всего воспоминания, иллюстрирующие употребление тех или иных номинаций в определенных периоды. Метаязыковые оценки, даваемые информантами вариантным катойконимам, а также использование соответствующих номинаций в устной речи, в том числе спонтанной (это касается как номинаций *рушане* и *старорусцы*, так и субстантивированного прилагательного *старорусские*, используемого жителями как самого города, так и Старорусского района)², — предмет, заслуживающий отдельного внимания.

* * *

В словарях названий жителей советского времени содержатся следующие номинации (в порядке, по данным лексикографов, от наиболее употребительного к менее употребительному): *старорусцы*, *-ец* (ж. *староруска*);

¹ В ходе полевого исследования, предпринятого с целью выявить предпочтения в употреблении катойконимов, было опрошено более 50 человек (полуструктурированные глубинные интервью, в том числе экспертные интервью с журналистами, краеведами и музейными работниками).

² См. сноску. 31.

староруи́áne, -áнин (ж. *староруи́áнка*); *руи́áne*; *староруссы* (с пометой «устар. разг.») [Б 1964, 191]; *старору́сцы, -ец* (ж. *старору́ска*); *староруи́áne, -áнин* (ж. *староруи́áнка*); *староруся́не, -я́нин; руи́áne, -áнин*; а также помечавшиеся как «устар.» *староруссы* и *русяне* (без ударений) [БЛ 1975, 197–198]. Формы *старорусяне, староруссы* и *русяне* следует считать окказиональными и не свойственными локальному узусу.

Интересно, что в географический словарь Е. А. Левашова 2000 г., который позиционировался как отражающий материал, «соотносящийся с географической современностью», и обладающий наибольшей «актуальностью для современного состояния русского языка» [Левашов, 2000, 11], были включены лишь номинации *старорусцы* и *старорушане*: наряду с окказиональными и устаревшими была исключена номинация *рушане* — видимо, как образованная от старого (до второй половины XVI в.) ойконима *Русса*. В вышедшем тремя годами позже словаре русских названий жителей того же автора (в соавторстве с И. Л. Городецкой) исключенные названия были возвращены, проставлены ударения в номинациях *старорусяне* и *староруссы* (даваемых уже без помет); в соответствии со структурой словаря *рушане* (а также *русяне*) приводились при статье «*Русса*» (сокращенный вариант современного ойконима) [Городецкая, Левашов, 2003].

Следует отметить, что древняя акцентуация названий *рушане, рушанин* отличалась от современной: ударение падало на первый слог [Зализняк, 2014, 654]. Параллельно в памятниках отмечаются варианты *рушене, рушенин*³, что также свидетельствует о подобной акцентуации; вариативность характерна и для катойконима, возникшего в XVII в.: *старорушане / старорушене*⁴. В кон. XIX в. автор краеведческих работ о Новгородской земле М. И. Полянский писал:

Во всех древних наших летописях жители гор. Старой Руссы называются просто Рушене. Это название обывателей г. Старой Руссы сохранилось между простолудинами до настоящего времени. Если спрашивают крестьянина Старорусского уезда, откуда он, то получают ответ: «я Русьский» или «я Рушенин» [Полянский, 1885, 10]⁵.

Поскольку ударение в слове *рушенин* не указано, нельзя точно утверждать, что во второй половине XIX в. в устной речи жителей Старорусского уезда сохранялась исконная акцентуация (ныне утраченная), но такое предположение

³ Например, *рушене* в Ермолинской летописи XV в. [ПСРЛ, 23, 98]; ср. вариативность *рушанин / рушенин* в судебных списках XVI–XVII вв. [ССМГ, 103, 153].

⁴ Например, *старорушане* в документах XVII в. [ППК] и *старорушенин* в подрядной книге 1736 г. [ПСЗРИ, 517].

⁵ Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация приводятся к современной норме (кроме написания строчных и прописных букв); номинация *старорус(с)цы* в цитатах пишется в соответствии с источниками, в авторском тексте — согласно рекомендациям Русского орфографического словаря (т. е. *старорусцы*) [РОС, 1034, и след. изд.]. О колебаниях в написании катойконимов на *-цы*, образованных от ойконимов, основа которых оканчивается на удвоенную *с*, см. [Ахметова, 2017].

возможно⁶. Кроме того, Полянский приводит присловье «Рушане (*sic!*) лошадку скушали да в Новгород писали, чтоб еще прислали»⁷ [Полянский, 1885, 197]; если читать этот текст как рифмованный, сомнений в том, что ударение падало на первый слог, практически не остается: *рушане* — *скушали*, *писали* — *прислали*. Однако это допущение может касаться лишь периферии речевого употребления, к тому же единичность фиксации не позволяет делать обобщающих выводов. В любом случае относительно кон. XIX в. есть точное указание на то, что катойконим в речи представителей образованных классов произносился с ударением на второй слог, ср. стихи настоятеля Спасо-Преображенского монастыря в Старой Руссе архимандрита Мелетия, посвященные основателю обители святителю Мартирию:

Его фамилия Рушанин,
Как звались предки у него,
Он был отличный христианин,
И знали в Руссе все его.

[Сергий, 1896, 68]

Сама возможность прочтения номинации *рушанин* как фамилии⁸ говорит о том, что в качестве катойконима она в кон. XIX в. уже не была широко известной.

Катойконимы в литературе о Старой Руссе и местной печати XIX — первой половины XX в.

К кон. XIX в. в местной печати употреблялись три варианта: *старорусцы*, *старорушане* и *рушане*, последний чаще становился элементом исторического описания, согласно общей тенденции использовать названия жителей в соответствии с релевантными для описываемого периода источниками. Так, М. И. Полянский применительно к XIV–XV вв. пишет *старорушане* и *рушане* [Полянский, 1885, 14, 16], а присловье «Рушане лошадку скушали...» приводит в качестве «всероссийской иронии над Староруссцами» [Там же, 197], — очевидно, без привязки к конкретному периоду. Краевед В. А. Пылаев постоянно называет жителей

⁶ Ср. пример сохранения в современном местном говоре средневекового топонимического варианта: официальное название деревни *Дроздинь vs. Дроздынё* в устной речи старожилов, ср. зафиксированное в документе XVI в. название *Дроздыни* [Васильев, 2012, 508, сноска 140].

⁷ Впервые присловье зафиксировано И. П. Сахаровым [1841, 116]: «Старорусцы лошадь съели да в Новгород писали, чтоб еще прислали». В данном случае катойконим атрибутируется не фольклорному тексту, а речи автора, т. е. следует читать: «[О старорусцах говорят:] Лошадь съели...».

⁸ Вероятно, автор стихотворения основывался на труде новгородского протоиерея П. И. Тихомирова [1891, 108]: «Св. архиеп. Мартирий, по сказанию 1 Новг. летописи, был родом из самой Русы и происходил от благородных родителей, по фамилии Рушаниных»; мы имеем дело с результатом неверного чтения летописной фразы «родом Рушанин» [ПСРЛ, 3, 196] (ср. об этом [Дементьев, Дементьева, 1990, 52]).

рушанами в контексте XI–XVIII вв. [Пылаев, 1916, 8–37, 175], и лишь в единичных случаях — *старорусцами*: «[В XIV в.] старорусцы же солевары обложены пошлинами» [Там же, 18] (ср. о XVII в. [Там же, 34, 81]). Начиная с эпохи Павла I и до кон. XIX в. номинация *старорусцы* в повествовании Пылаева преобладает [Там же, 40, 43, 58, 61, 62, 64], а в контекстах, не указывающих на определенный период, употребляются обе номинации: ср. «древний, почитаемый рушанами образ» [Там же, 165; ср.: 75, 83, 84, 162, 195, 196, 211] и «поколения старорусцев обретают здесь [на кладбище] вечный свой покой» [Там же, 168; ср.: 101, 109, 110, 122, 167, 168, 171, 196, 201, 206, 211]. Примечательно, что в вышедшей через 13 лет новой работе Пылаева, где исторические сведения минимальны, а основное внимание уделяется природе и социально-демографическому аспекту, используется лишь название *старорусцы*: «за Старорусцами идет нехорошая слава драчунов, забияк» [Пылаев, 1929, 113; ср.: 123].

Преимущественно номинация *старорусцы* используется как в творчестве местных авторов, описывающих современную им реальность (ср. очерки о возвращении в 1888 г. из Тихвина чудотворной Старорусской иконы, написанные краеведом А. А. Усининым [1889, 10–11, 13]⁹ и мещанином П. А. Беляниновым [1889, 6, 13]¹⁰), так и в путеводительной литературе, авторы которой не ставили целью подробное изложение истории [см., например: Воскресенский, 1839, 53, 56]. При этом могла иметь место анахроничность — так, бывший петербургский чиновник В. П. Каниовский [1910, 20] пишет относительно XV в.: «старорусцы спасались бегством в Новгород».

Схожей была ситуация в местных газетах. В «Старорусской жизни», издававшейся в 1910–1911 гг. упомянутым выше Каниовским, номинация *рушане* встречается лишь в редакторском предисловии к первому номеру газеты (24.12.1910); использование архаичного катойконима, вероятно, диктовалось контекстуальной апелляцией к древности: «Так извольте же Вам, древние, славные Рушане — доблестные сыны Господина Великого Новгорода — новый орган печати, в котором Вы можете правильно отражать свою общественную жизнь и запечатлеть свои славные заслуги пред славной родиной и дорогим отечеством».

Трижды в газете в нейтральных контекстах встречается номинация *старорухане* (например: «городской голова в сопровождении около 15 старорухан <...> направился с бокалом к чествуемому губернатору» — 25.03.1911); наконец, в семи выпусках жители именуются *старорусцами* (07.01, 22.02, 01.03, 25.03, 05.04, 18.10, 09.12.1911).

⁹ Впрочем, один раз Усинин [1889, 14] пишет, что слова архимандрита «прозвучали в сердцах Старорухан».

¹⁰ Интересно, что в цитируемом Беляниновым указе Синода от 22 сентября 1850 г. (№ 9855) речь идет о споре за обладание иконой между тихвинцами и *рушанами* [Белянинов, 1889, 5].

В газете «Искорка», издававшейся в 1907–1914 гг. владельцем старорусской типографии, прапорщиком Вильманстрандского полка Н. Г. Осиповым, использовалось исключительно название *старорусцы* (04.03, 11.03, 31.03, 14.05, 13.08.1911, 09.06, 13.07, 24.07.1912, 01.05, 18.08, 08.11, 23.11.1913, 08.05, 20.06.1914); номинация *рушане* встретила единожды, но контекст — полемика с недавно открывшейся «Старорусской жизнью» — заставляет предположить цитирование упомянутого предисловия к первому ее номеру: «г. Каниовский не совсем точные факты сообщает рушанам. Рушане же не так наивны, однако, как думает пан Каниовский» (02.02.1911).

Наконец, в «Искорке» (28.02.1907) упоминается корреспондент из Старой Руссы, печатавшийся в газете «Волховский листок» под псевдонимом *Старорусец*.

После 1917 г. в уездной / районной газете¹¹ также обнаруживаются лишь названия *старорусцы* (например: «Стыдно, товарищи старорусцы» <Старорусская коммуна. 22.02.1919>), реже — *старорушане* («Кто из Старорушан не знал Павла Петровича?» — 27.03.1919).

Таким образом, можно говорить, что к первой трети XX в. название *старорусцы* утвердилось в локальном узусе в качестве основного; *старорушане* использовалось редко, а *рушане* тяготело к использованию в исторических контекстах, что говорит о том, что номинация уже в то время воспринималась как а р х а и ч н а я.

Материалы газеты с 1923 г. по сентябрь 1930 г. недоступны. В 1930-е гг. количество катойконимов в районной газете резко сокращается. Просмотр выпусков, приуроченных к праздничным датам (01.01, 23.02, 08.03, 01.05, 07.11, 31.12) с ноября 1930 г. по июль 1941 г. выявляет лишь один случай употребления катойконима: «Совершенно недостаточно организован обмен опытом работы волотовцев (пос. Волот. — М. А.) и староруссцев» <Трибуна. 29.12.1931>. Систематическое издание газеты прекращается в связи с оккупацией города летом 1941 г. и возобновляется в феврале 1944 г. Всего с мая по декабрь 1944 г. в газете (выходившей пока нерегулярно) обнаруживается восемь случаев использования катойконима — исключительно номинации *старорусцы*, в дальнейшем число названий жителей в газете стабильно растет¹².

¹¹ С марта 1918 г. — «Известия Старорусского совета раб., солд. и крест. депутатов», в ноябре 1918 — апреле 1919 г. — «Старорусская коммуна», в ноябре 1919 — марте 1923 г. — «Красный пахарь», в сентябре 1930 — 1952 г. — «Трибуна», до декабря 1991 г. — «Старорусская правда».

¹² Надо полагать, подобная динамика более или менее типична для советской прессы. Рассмотрение ее историко-культурной подоплеки и связи с риторическими стратегиями советской эпохи заслуживает отдельного внимания.

Катойконимы в литературе о Старой Руссе и местной печати второй половины XX — начала XXI в.

В районной газете «Старорусская правда» вплоть до второй половины 1960-х гг. единственным обозначением жителей Старой Руссы также было *старорусцы*. Судя по всему, в бытовой речи иные варианты в то время (и даже позднее) не использовались (это подтверждают и интервью с жителями города 1930–1960-х гг. р.), что вполне соответствует тезису о взаимовлиянии языка газет и повседневного узуса [Какорина, 2003, 259].

Иную ситуацию отражает литература. Историко-краеведческие и популярные издания, написанные в 1950–1980-е гг. авторами, биография которых связана со Старой Руссой, в целом продолжают установку на дифференциацию вариантов в зависимости от описываемой эпохи. Номинация *рушане* в них обнаруживается лишь в связи с древней историей, в зависимости от того, в каком объеме авторы считали нужным ее излагать, и, видимо, в соответствии с их представлениями об исторической корректности употребляемой терминологии. Так, в первом издании брошюры главного врача старорусского курорта в 1950–1962 гг. Л. Г. Дробышевского [1957], составленной на основе лекций для горожан и отдыхающих на курорте, древней истории уделялось скромное место, и *рушан* мы там не находим. В дополненном переиздании *рушане* упоминаются в связи с описанием событий XV–XVI вв. («В Новгороде рушане имели свой соляной двор» [Дробышевский, 1962, 64]); в другой части книги в контексте древнерусской истории упоминаются *старорусцы* [Там же, 71]; эта же номинация используется при описании периода между XVI в. и Петровской эпохой, войны 1812 г., событий второй половины XIX в. и Великой Отечественной войны [Там же, 9, 75, 70, 25, 188] и т. д. Родившийся в Старой Руссе ленинградец Л. М. Рейнус [1969, 30] называет жителей *старорусцами* в контексте XIX в. и т. д.

Подробного рассмотрения заслуживают изданные до 1990-х гг. работы историка И. Н. Вязинина (1923–2005), уроженца Старой Руссы, с 1952 г. жившего в Новгороде. Дифференциация катойконимов в соответствии с описываемым периодом менялась от издания к изданию, становясь все более четкой.

Название *рушане* употребляется в контекстах XII–XVI вв., например, когда автор пишет об архитектурных достижениях жителей древней Русы [Вязинин, 1967, 13; 1972, 12, 14, 16; 1980, 12–13, 16] или об их участии в военных действиях [Вязинин, 1958, 29, 32; 1972, 20; 1980, 14, 26] и др. После XVI в. катойконимы в текстах Вязинина исчезают вплоть до XIX в., за исключением единичного упоминания о том, что герб, полученный городом в 1785 г., «символизировал основное занятие рушан — солеварение» [Вязинин, 1980, 37]. Вероятно, вариант *рушане* < *Руса* при описании событий после появления ойконима *Старая Руса* ощущался как анахроничный.

В изданиях 1950-х — первой половины 1960-х гг. применительно к рубежу XV–XVI вв. также используется номинация *старорушане* [Вязинин, 1958, 54; 1963, 66], которая позднее исчезает из авторского текста. Кроме того, в первой книге Вязинин называет жителей *старорушанами* в контексте войны 1812 г. («Старорушане <...> собрали ополчение» [Вязинин, 1958, 58]). Исходя из того, что слово *старорушцы* в следующий раз упоминается уже по отношению к XX в. (к 1915–1922 гг. и 1941–1944 гг. [Там же, 56]), относительно издания 1958 г. реконструируется следующая логика: *рушане* — с древних времен до появления названия *Старая Русса*, *старорушане* — до нач. XX в., далее — *старорушцы*. В последующих изданиях Вязинин именует жителей *старорушцами* уже с нач. XIX в., ср.: «Война со Швецией и Отечественная война 1812 года, участие в них старорусцев» [Вязинин, 1963, 72; ср.: 1980, 40]. *Старорушцы* же участвовали в революции 1917 г. [Вязинин, 1972, 45; 1980, 67], узнавали о смерти Ленина [Вязинин, 1958, 113; 1972, 56; 1980, 114], возвращались в Старую Руссу из эвакуации [Вязинин, 1958, 152; 1980, 114], восстанавливали город после оккупации [Вязинин, 1972, 69] и т. д.; наконец, именно этот вариант употребляется по отношению к современности в составе риторических клише: *старорушцы* «не скоро забудут» имена нацистских оккупантов и их пособников [Вязинин, 1958, 136], «любят свой город» [Вязинин, 1967, 3], «доблестно трудятся, вносят свой посильный вклад в строительство коммунистического общества» [Вязинин, 1972, 87], «гордятся своим городом, его многовековой историей» [Вязинин, 1980, 5] и т. д. Аналогична стратегия в научно-популярных изданиях, подготовленных при участии Вязинина: *рушане* — применительно к древней Русе [СМ, 17], *старорушцы* — в описании 1904 г., Революции и Гражданской войны, а также современной эпохи [СМ, 6, 7, 9; ПДГ, 130].

Актуализация названия *рушане*

В 1960-е гг. начался процесс актуализации исторического катойконима, который обусловлен комплексом причин, связанных с ростом интереса общества к истории малой родины. В 1966 г. в Старой Руссе были возобновлены (после 1939 г.) археологические исследования. В 1967 г. город отметил 800-летний юбилей. Кроме того, в 1960-е гг. открывается ряд музеев, формируется локальное краеведческое сообщество и иницируется экскурсионная работа (по данным на 1972 г., в ней было занято 15 общественников). Городское экскурсионное бюро, открывшееся как филиал областного, имело методический совет, занимавшийся разработкой тем и подбором литературы; ежемесячно проводились семинары, на которые, в частности, приглашали работавших в Старой Руссе археологов [Емельянова, 1972]. Таким образом, благодаря обращению к историческому материалу и общению с профессиональными историками название *рушане* усваивалось музейным и краеведческим сообществом. Примечательно свидетельство, относящееся к 1980-м гг.:

Никто никогда, ни в школе, ни дома, не называл именно жителей нашего города рушанами. Просто им было неведомо. И для меня это было открытием, что жителей Старой Руссы можно как бы называть рушанами. Только когда я пришла [работать] в музей в 1980 году <...> изучала тексты берестяных грамот, летописный материал, занимаясь краеведением, я вот для себя открытие буквально сделала... (Интервью с А. Ф. Ивановой, 1946 г. р., научным сотрудником Старорусского филиала Новгородского государственного объединенного музея-заповедника)

Экскурсии были рассчитаны не только на гостей, но и на жителей города, которые могли приобретать однодневные путевки для ознакомления с местными достопримечательностями [Ефимкина, 1985]. Через экскурсии транслировалась информация об исконном катойкониме. По воспоминаниям информантки, занимавшейся экскурсионной работой в 1970–1980-е гг., гостям города сообщали, что в древности жителей называли *рушанами*, но в обиходе это слово практически не звучало (интервью с З. И. Смердовой (Сомовой), 1949 г. р., работала экскурсоводом, в газете «Старорусская правда», в настоящее время — в Центре творчества и ремесел «Берегиня»). Ср. также воспоминание о старшем методисте экскурсионного бюро, основательнице школы краеведов в Старой Руссе М. И. Емельяновой:

Я не помню, чтобы она говорила «старорусцы». <...> Какое бы мы мероприятие ни проводили, она всегда людей приветствовала: «Здравствуйте, дорогие рушане!» <...> Даже когда водила экскурсии по городу, она тоже всегда так говорила: <...> «Мы рады вас приветствовать. Здесь живет хороший такой, интересный народ, рушане». И вот строила экскурсию как-то вот, используя это слово (Интервью с Э. С. Ефимкиной, ок. 1944 г. р., работала в городском доме культуры, экскурсионном бюро, в настоящее время директор Центра творчества и ремесел «Берегиня»).

Именно в связи с обращением «Старорусской правды» к краеведческой тематике в кон. 1960-х гг. в газете начинают появляться старые катойконимы, поначалу в исторических контекстах. В 1967 г. открывается рубрика «К 800-летию нашего города», в которой, например, старорусский краевед К. И. Дементьев публикует очерк о местном солеваренном промысле, в контексте нач. XVIII в. упоминая «старорушанина Григория Моисеева»¹³ (02.02.1967), а москвич М. Н. Поляков, представитель Старорусского землячества (см. об этом далее), пишет, в частности, следующее: «Немеркнувшей славой покрыли себя рушане (старорусцы) в защите родной земли от различных интервентов: литвы, немецких псов-рыцарей, шведов» (21.02.1967; далее в публикации упоминаются лишь *старорусцы*). В номерах, посвященных юбилейным торжествам (26.08 и 29.08.1967), в редакционных и прочих материалах (в том числе подписанных партийными деятелями

¹³ В дальнейшем эта номинация в газете не обнаруживается, а К. И. Дементьев в следующих заметках об истории старорусского солеварения (написанных в соавторстве с М. А. Дементьевой) пишет о достижениях «умельцев-рушан» (21.09.1976), упоминает работавшего при строительстве Петергофа мастера, который, вероятно, «был старорусцем (рушанином)» (27.08.1976).

города и области) жителей именуют *старорусцами*, но заслуживает внимания публикация двух стихотворений В. Смирнова в номере от 26 августа. В первом, озаглавленном «Город из былины», номинация *рушане* органично вписывается в контекст древнего города:

По мостовым, где камни помнят
Исторических событий череду,
Я иду, раздумьями наполнен,
У истории сейчас на поводу.

<...>

Было всякое: и голодно и слезно.
Рушане часто плакали навзрыд...¹⁴

Во втором стихотворении лирический герой обращается к городу: «Ты из слез рушан, из счастья»; аллюзия к предыдущему тексту дополняется теми же коннотациями древности («Ты из песен, ты из сказок, / Из легенд восьми веков»).

После 800-летия Старой Руссы публикация исторических и краеведческих материалов в газете становится регулярной. Название *рушане* используют в своих заметках как новгородские археологи (так, начальник Старорусского отряда Новгородской археологической экспедиции А. Ф. Медведев в номере от 29 сентября 1972 г. рассказывает о первой старорусской грамоте — незаконченном духовном завещании, которое начал писать «кто-то из рушан в XIV веке», — а в номере от 4 октября того же года упоминает «древних рушан»), так и местные краеведы. Примечательно, например, что методист экскурсионного бюро Т. Иванова в заметке «Открой свой город» <Старорусская правда. 08.08.1970> разграничивает древних *рушан* и современных *старорусцев*:

Каждый старорусец старается показать преобразования, которые произошли в городе в годы Советской власти, познакомить со знатными людьми Старой Руссы или рассказать о продолжателях лучших традиций рушан.

В перечисленных случаях (впрочем, немногочисленных, если рассматривать употребление катойконимов в газете в 1960–1970-е гг. в целом) речь шла о соотношении древнего названия с историческим прошлым. Переход к его использованию для непосредственного именованья был связан с еще одним фактором.

От исторических контекстов к актуальному именованию

Некоторые жители Старой Руссы связывали популяризацию названия *рушане* с именем ленинградского писателя Глеба Алехина (Г. В. Масловского / Алехина-Масловского, 1907–1994), детство и юность которого прошли в Старой Руссе.

¹⁴ Впрочем, далее сказано, что «старорусцев поколенья / Всегда громили злого врага...».

Ср. воспоминание о реакции на «новую» номинацию старших родственников (дяди и деда) информанта:

Это Глеб Алёхин, наш писатель, роман «Белая тьма». <...> У него там слово «рушане». <...> С дядей Жорой, Георгием Ивановичем Смирновым¹⁵, мы разговаривали по этому поводу. Он посмеялся: это художественное произведение, вот, не обращайтесь внимания! <...>

[И далее, о реакции на книгу своего деда:] приезжал Алёхин с романом «Белая тьма» <...> когда закончились все эти дебаты, обсуждения, он [дед] Алёхина позвал <...> спросил его, первое: «А почему “рушане”?» Ну, тот начал там что-то объяснять. Дед говорит: «Мы старорусцы!» <...>

Георгий Иванович Смирнов — он очень не любил слово «рушане». Но как [применимое] к художественному произведению он его вполне признавал <...> Он всё время говорил «старорусцы» (Интервью с Ю. А. Никулиным, 1954 г. р., работал в ряде старорусских СМИ, в районной администрации, Фонде «Город Достоевского»).

Роман Алехина был впервые опубликован в 1961 г. в журнале «Нева» под названием «Мертвый хватает живого»; в 1971 г. переработанная версия под названием «Белая тьма» издана отдельной книгой, в 1987 г. роман был переиздан с незначительными изменениями. Острый сюжет, место и время действия (Старая Русса, 1920-е гг.), обилие местных реалий — все это способствовало живому восприятию романа старорусским сообществом как «текста о месте», в художественной форме отражающего относительно недавнюю локальную историю.

В романе нашли отражение те же три номинации, что использовались в историко-краеведческой литературе. В журнальной публикации название *старорусцы* (*старорусец*, *староруска*) упомянуто семь раз: «Не одно поколение тихвинцев и старорусцев бранилось, даже судились из-за нее [иконы]» [Алехин, 1961а, 5; ср.: 1961а, 37, 38, 55; 1961б, 58; 1961в, 73]; «Возможно, Рысь <...> выдает себя за староруску» [Алехин, 1961а, 43]. Дважды упомянуты *рушане* («Для рушан она [икона] — символ спасения, победы и благовести» [Там же, 5; ср.: Алехин, 1961в, 81]), и еще дважды — *старорушане* (*старорушанка*): «одна старорушанка всю жизнь сердилась на господина Великого Новгорода, а он и не знал об этом» [Алехин, 1961б, 17]; «Многоуважаемые старорушане!» [Алехин, 1961в, 104]. В книжной версии количество упоминаний *старорусцев* уменьшилось до трех [Алехин, 1971, 39; 1987, 40; ср.: 1971, 8, 165; 1987, 11–12, 154], а количество *рушан* увеличилось до четырех [Алехин, 1971, 8, 14, 129, 175; 1987, 11–12, 17, 121, 163]. Единственное употребление названия *старорушане* («Уважаемые старорушане!» [Алехин, 1971, 248]) в последнем издании исправлено: «Уважаемые рушане!»

¹⁵ Г. И. Смирнов (1921–1982) — историк, краевед, основатель Дома-музея Ф. М. Достоевского в Старой Руссе. О неприятии Смирновым исторического названия свидетельствует и то, что в газетной заметке «Архитектурные памятники города» <Старорусская правда. 17.02.1967> он (в то время преподаватель истории в школе рабочей молодежи), пересказывая летописный сюжет, пишет: «Мартирий, который был родом из Руссы...» (ср. летописное «родом рушанин»).

[Алехин, 1987, 230]. Роман Алехина — это п е р в ы й послереволюционный текст, в котором старые названия жителей города использовались вне исторических коннотаций.

Нельзя сказать, что название *рушане* в романе было особенно частотным: даже в книжной версии на более чем 300 страниц оно встречается всего четыре (в издании 1971 г.) и пять (в издании 1987 г.) раз. Однако, вероятно, для жителей Старой Руссы, читавших книгу с повышенным вниманием, этого было достаточно: локальные сообщества склонны обостренно реагировать на воспринимающееся как нерелевантное именование «извне», даже если подобное именование фактически редко [см.: Ахметова, 2015, 24].

Фигура Алехина в воспоминаниях возникает также в связи с созданным им в 1961 г. (и возглавленным) Старорусским землячеством:

Вот в детстве не помню, чтобы говорили «рушане». <...> Мне кажется, это вот [началось], когда книги Глеба Алёхина вышли <...>, который создал землячество Старорусское. <...> Когда стали земляки приезжать отовсюду, и из Москвы, и из Санкт-Петербурга, и со всех других городов собираться в Руссе (Интервью с Н. Б. Басмановой, 1959 г. р., режиссером, краеведом).

Представители землячества осуществляли шефскую помощь местным организациям, участвовали в создании выставок, выступали с докладами на «Старорусских чтениях» при Доме-музее Ф. М. Достоевского, читали для горожан лекции и проводили консультации; кроме того, землячество объединило ряд писателей (среди которых, например, Д. А. Гранин, В. С. Шефнер, Г. А. Горышин и др.), которые выступали со своими произведениями перед старорусскими читателями [Лудилина, Карелин, 1986]. Об актуализации названия *рушане* в связи с деятельностью землячества свидетельствуют и созданные его представителями (что немаловажно — длительное время жившими вне Старой Руссы) литературные тексты. Так, ленинградец В. С. Шефнер, живший в Старой Руссе в детстве, пишет о посещении города в 1974 г.: «Ни один рушанин и ни одна рушанка, слушая мои вопросы, <...> не послали меня подальше» [Шефнер, 1976, 79; ср.: 78]. А москвич В. И. Марченко, родившийся в Старой Руссе в 1930 г. и проведший детство в д. Пустошь Старорусского р-на, в рассказе «Дом на Перерытице» вкладывает в уста краеведа Г. И. Смирнова высказывание, согласно которому любовь Ф. М. Достоевского к Старой Руссе была унаследована его вдовой, «и мы, рушане, должны вечно помнить это» [Марченко, 1987, 115].

Регулярные встречи земляков в Старой Руссе и в Ленинграде широко освещались в «Старорусской правде»; газета размещала материалы к 15-, 20- и 25-летию землячества (соответственно в 1976, 1981 и 1986 гг.). Именно в связи с этим с 1970-х гг. горожане-современники в газете начинают именоваться *рушанами*. Так, член Союза журналистов В. Олисов упоминает «земляков-рушан, проживающих в городе на Неве» (27.12.1972); в материале к 15-летию землячества,

подписанном шестью жителями города и района, говорится о крепкой дружбе «между рушанами и нашими земляками, проживающими за пределами района» (24.08.1976); член комитета землячества М. Лудилина, вспоминая о том, как Алехин «приглашал на сцену староруссцев и каждого гостя представлял аудитории», отмечает, что «его осведомленность удивила нас, рушан» (05.09.1978); комитет Старорусского землячества в Ленинграде благодарит: «Спасибо, рушане» (01.09.1981, ср. 16.08.1986) и т. д. Активно использовал номинацию *рушане* и Г. В. Алехин, например: «Пятнадцать лет назад вы горячо и сердечно откликнулись на первую встречу с нами, бывшими рушанами» (18.08.1976).

Наконец, *рушанами* начинают именовать современников местные краеведы (Н. Л. Богданова пишет об одной из своих коллег, которая «с 1946 года <...> стала рушанкой» — 23.07.1988, или отмечает, что «рушане первые в области на свои деньги создавали памятник воинам и партизанам, подпольщикам Северо-Западного фронта», — 16.12.1989) и новгородские историки: так, А. Ф. Медведев, анонсируя новый полевой сезон, высказывает надежду «на доброжелательное отношение всех рушан» (24.06.1980).

Видимо, влияние краеведческо-экскурсоводческого и земляческого сообществ начало сказываться и на языке районной газеты. В первую очередь это касается катойконима в ж. р. *рушанка*, пришедшего на смену крайне редкому *старорусска* / *старорусска*. Ср. поздравления к 8 Марта: «С праздником, дорогие рушанки!» (07.03.1981, ср. 08.03.1985, 08.03.1991).

С 1980-х гг. катойконимы *рушане*, *рушанин* и — в первую очередь — *рушанка* включаются в процессы трансонимизации. В 1981 г. при ДК «Приборостроитель» создается фольклорный ансамбль «Рушане», в 1980-е гг. при городском ДК функционировал женский клуб «Рушаночка» (упоминается в «Старорусской правде» 16.09.1981 и 07.10.1987). Не позднее января 1992 г. открывается кафе «Рушанка», просуществовавшее до 2010-х гг.¹⁶ В 1998 г. при Центре народных промыслов и ремесел начали выпускать деревянную сувенирную куклу «Рушаночка». В 2000 г. создается фирма «Рушанин», специализирующаяся на изготовлении металлоконструкций и кованых изделий. В 2003 г. регистрируется ООО «Рушаночка», выпускающее одноименную минеральную воду (сейчас воду выпускает ООО «Старорусский пищекомбинат»).

Можно сказать, что катойконим становится элементом самопрезентации Старой Руссы. Прагматика его использования вполне прозрачна: именование *рушане* подчеркивает древность города¹⁷, напоминает о его славной и драматичной истории, а также говорит о преемственности поколений. Экскурсоводы сообщали

¹⁶ Сейчас на той же ул. Кириллова находится кафе «Рушане»; летом 2017 г. меню кафе включало солянку «Рушанка».

¹⁷ Исторический возраст города — один из обсуждаемых топосов локального текста, в том числе в контексте археологических находок кон. XX в., позволивших Старой Руссе в 2015 г. отметить 1000-летний юбилей (напомню, в 1967 г. праздновалось 800-летие).

название приедем, а последние транслировали эту информацию как элемент общего знания о городе¹⁸, зачастую позиционируя название как актуальное либо даже «правильное» — по сравнению со *старорусцами*. Одновременно необычный фонетический облик и непрозрачность словообразовательной модели (невозможность образовать эту номинацию самостоятельно) диктовали необходимость пояснять значение названия. Так, корреспонденты московского журнала «Театральная жизнь» в статье об открытии в Старой Руссе филиала Новгородского театра драмы замечают: «Старорусцы... Да нет, правильнее, по-новгородски, рушане» [Абрамов, Зубков, 1982]. В 1988 г. Старую Руссу посетила ученый секретарь Международного общества Ф. М. Достоевского, профессор Вашингтонского университета Надин Натова. 31 мая интервью с нею (в заголовок вынесены слова Натовой «Я очарована рушанами...») было опубликовано в «Старорусской правде»; в ответ на реплику интервьюера о ее общении «с рядовыми читателями» Натова ответила: «...с рушанами. Я теперь обязательно спрошу своих студентов, как называют жителей Старой Руссы». Публицист и писатель Н. В. Кривцов заявляет, что «обитатели города именуют себя вовсе не “старорусцами”, а “рушанами”» [Кривцов, 1995]. Примечательно, что подобные оговорки «в настоящем времени» допускали и археологи, работавшие в Старой Руссе («Древние рушане — так называют себя жители Старой Руссы — искусно выкладывали мостовые настилы» [Миронова, 1986, 51]), а позднее и местные жители — в текстах, обращенных к внешнему читателю. Так, директор Дома-музея Ф. М. Достоевского в письме в газету «Труд» (15.06.2001), призывая собрать «всем миром» средства на установку памятника Достоевскому, поясняет: «рушане (так называют себя старорусцы)».

Не случайно номинация *рушане* появляется в поэтических текстах, написанных гостями города. В 1986 г. на старорусском курорте отдыхал ленинградец Щеглов, оставивший несколько стихотворений о городе: в первом от лица местных жителей говорится: «Мы, рушане, воду пьем, / Водку с Парфино везем», во втором лирический герой восклицает: «Рушане, выскажете (*sic!*) мненье!» [Литягин, Тарабукина, 2000, 339–341]. 14 августа 1976 г. «Старорусская правда» публикует стихи о городе местного поэта, учителя Анатолия Егорова (озаглавленные, что примечательно, «Землякам-старорусцам») и трех участников поэтических вечеров на курорте, двое из которых используют номинацию *рушане*. Ветеран войны Б. П. Фесовец (сообщается, в частности, что он «не первый раз приезжает в наш город. Вместе со старорусцами в минувшем году он отмечал тридцатилетие Победы») пишет: «Рушане, рушане — веселый народ. <...> Рушане — приветный, сердечный народ». Ленинградец И. А. Басенко публикует стихотворение

¹⁸ Петербургские антропологи, в 1990-е гг. проводившие в Старой Руссе полевые исследования, также усваивают эту номинацию и используют ее в своем языке описания [Литягин, Тарабукина, 2000].

«Древний город вечно молодой» с рефреном «Старая Русса — город славян, / Старая Русса — гордость рушан!».

Судьба последнего текста примечательна. Он был положен на музыку старорусским композитором В. М. Винокуровым, и песня стала необыкновенно популярной: ее исполняли местные ансамбли, хоры и солисты, разучивали в школах, при этом местные жители могли узнавать номинацию *рушане* именно из песни:

Я достаточно давно уже использую вот такое обращение, «рушане». Услышал его, наверное, впервые <...> 83-й — 84-й год примерно. До этого как-то «старорусцы» было <...> в ходу больше. А в 83-м — 84-м году, когда я ещё в школе учился, ну... песню готовили в советские времена. И там была такая фраза: «Старая Русса — город рушан». <...> Учитель уже тогда совершенно спокойно нам это объяснил. Что ранее это были рушане (Интервью с С. А. Кузьминым, 1968 г. р., председателем Думы Старорусского муниципального района).

Вероятно, благодаря популярности песни неточная цитата «город рушан» становится своеобразным клише. Филолог и культуролог В. И. Юхнович (между прочим, также заявляющий, что «горожане называют себя не старорусцами, а рушанами» [Юхнович, 2011, 53]) выделяет «город рушан» в числе других «иконических знаков» локального текста: «город — исторический памятник», «город-солевар», «город-курорт», «город-музей» и «город-воин» [Там же, 35]. По-видимому, текстом песни обусловлено и высказывание московских журналистов «Город рушан есть на любой карте Советского Союза» [Абрамов, Зубков, 1982], и стихотворение «Рушанград», принадлежащее местному поэту В. Пензину <Старорусская правда. 16.08.1986>, где катойконим служит основой для создания псевдодойконима:

Годы-птицы несутся,
 Это жизнь — не игра!
 Здравствуй, Старая Русса,
 В честь рушан-рушанград (*sic!*).

<...>

Мы твои дети верные,
 Город — старый солдат.
 И шагает уверенно
 Наш родной Рушанград.

В целом же в 1960–1980-е гг. название *рушане* было по преимуществу элементом «внешней» по отношению к городу речи, в местной печати использовалось ограниченно и в основном в текстах, направленных на самопрезентацию, а не в качестве актуального именованного. Даже в «земляческих», исторических и краеведческих текстах часто (особенно в 1960-е гг.) использовалась более пространная в то время номинация, ср.: «Программа дня встречи старорусцев со своими земляками» (1965), «Пригласительный билет на встречу земляков

Старорусцев» (1967)¹⁹. Многие заметки о встречах земляков в «Старорусской правде» содержали лишь слово *старорусцы* (например, 11.06, 25.06, 19.09, 27.09.1961, 20.07, 12.08, 22.08, 24.08.1965, 23.08, 11.09, 22.09.1980, 15.09.1981, 23.08.1986 и т. д.) либо обе номинации. На страницах газеты название *старорусцы* продолжало преобладать — ср. заголовки в передовицах: «Урожай — народное достояние. Спасти его — дело чести, долг каждого старорусца» (05.09.1978), «Тверже шаг, старорусец!» (07.11.1979) и т. д.

Как представляется, окончательной реактуализации названия *рушане* способствовал социокультурный фон рубежа 1980–1990-х гг. (когда, по многочисленным воспоминаниям, номинация вошла в широкий обиход). Рассматривая влияние событий этого периода на процессы, происходящие в русском языке, исследователи отмечают, в частности, «неприятие бюрократического языка прошлого (новояза)», «стремление выработать новые формы выражения», «возрождение наименований тех явлений, которые возвращаются из прошлого, запрещенных или отвергнутых в эпоху тоталитаризма» [РЯК, 12–14] и доминирование в газетном узусе «установки на заимствования из периферийных сфер системы языка» [Там же, 67]. Указанные процессы касались и катойконимов²⁰. Применительно к старорусскому материалу конкуренция двух вариантов, один из которых (*старорусцы*) на протяжении десятилетий преобладал в языке районной газеты, а другой (*рушане*) ассоциировался с древностью города и возникал в контекстах, связанных с локальной идентичностью (от исторической самопрезентации в краеведческо-экскурсоводческом нарративе до консолидирующего «земляческого» дискурса), могла осмысливаться через призму характерных для перестройки и раннего постсоветского периода ностальгии по утраченному прошлому и стремления изжить любые проявления «советского».

Соответственно, в среде интеллигенции представление о советском «новоязе» экстраполировалось на название *старорусцы*²¹. Ср. фрагмент интервью с информантом, говорившим о восприятии слова *рушане* как «противовеса советской эпохе», который «восстанавливает славные оборванные традиции»:

[В 1980–1990-е годы] слово это [*старорусцы*] в основном связывалось с советскими, мрачными советскими временами. <...> Многие так считают до сих пор <...> Я потом уже узнал, что «старорусцы» возникли всё-таки пораньше. А мне казалось, что <...> прежде такого слова вообще не существовало, только советская власть его придумала и активно внедрила в наши мозги, вот, разрушая какие-то исторические

¹⁹ См. фотографии документов из личных архивов, размещенные в 2015 г. в альбоме «Старорусское землячество в Ленинграде» (социальная сеть «ВКонтакте», группа «Старая Русса: взгляд в прошлое...») [<https://vk.com/russatempus>].

²⁰ О попытках реставрации исторических катойконимов на рубеже XX и XXI вв. на материале Твери и Тамбова см. [Ахметова, 2016].

²¹ Вероятно, высказывание «неверно полагать, что имя *старорусцы* — искусственное изображение наших дней» [Агеева и др., 2002, 74–75] следует воспринимать как полемику с этим мнением.

наши прежние традиции (Интервью с К. П. Смольняковым, 1963 г. р., кандидатом философских наук, искусствоведом, краеведом).

В этом контексте ценно свидетельство М. В. Горбаневского о мнении благочинного Старорусского округа, архимандрита Агафангела (Догадина), который в беседе с ним (1990) упоминал, что «именно как к “рушанам” обращался в проповедях и письмах, поздравлениях», «просил других иереев и дьяконов пользоваться словом “рушане” и “рушанки”», а «не “старорусцы”, в котором он видел отзвук Октябрьского переворота»²². Это подтверждается и письменным наследием о. Агафангела²³: в 1990 г. он писал, что почитание памяти погибших в годы войны «свято для каждого рушанина» [СПАА, 209–210]²⁴.

Реставрация исторического катойконима в Старой Руссе вписывалась и в более широкий контекст, в частности связанный с передачей Русской православной церкви храмовых зданий, и в особенности с открытием дискуссии о возвращении улицам исторических названий.

Осмысление названий жителей в указанном контексте оказало также влияние на собственно исторический дискурс. В последнем, существенно расширенном переиздании труда И. Н. Вязинина [1994] отмечено отступление от стратегии, которой автор следовал на протяжении десятилетий. Если не учитывать цитаты из источников, в книге только номинация *рушане* употребляется по отношению к событиям до XVII в. (36 раз), преобладает в описаниях событий XVII в. (*рушане*, *рушанин*, *рушанка* — 14 / *старорусцы*, *старорусец* — 1), XVIII в. (соответственно 16/1) и XIX в. (28/8). Ряд формулировок из предыдущих изданий подвергся правке, ср. о количестве вступивших в народное ополчение в 1812 г.: «свыше тысячи староруссцев» [Вязинин, 1967, 29; 1972, 27] и «свыше тысячи рушан» [Вязинин, 1994, 106]. Исправлялись даже цитаты из источников: в издании 1963 г. в качестве авторов челобитной 1617 г. назывались «старорушане Сенка Алексеев и Клишко Брагиньской» [Вязинин, 1963, 54] (ср. аналогичное цитирование в [БЛ]), в последнем издании они именуется *рушанами* [Вязинин, 1994, 65]²⁵.

Заслуживает внимания распределение номинаций относительно XX в. В контекстах до революции 1917 г. название *рушане* встречается 13 раз, *старорусцы* — ни одного. Применительно к послереволюционным событиям и вплоть

²² Личная переписка с М. В. Горбаневским (ноябрь 2017 г.).

²³ Отмечу, что архимандрит Агафангел (1936–1999) начал служение в Старой Руссе в 1988 г.

²⁴ Предпочтение названия *рушане* едва ли разделяют все старорусские клирики. По моим наблюдениям, во время официальной части празднования Дня города в Старой Руссе в 2017 г. единственным, кто использовал в обращении к жителям города и района номинацию *старорусцы*, был протоиерей Амвросий Джиган (служит в Старой Руссе с 1975 г., благочинный Старорусского округа с 1994 г.).

²⁵ Ср. выше об исправлении *старорушане* на *рушане* Глебом АLEXИНЫМ. Примечательно и искаженное цитирование в [Дементьев, Дементьева, 1990, 99] документа XVII в.: «мастер рушанин Анисимко Тарасев» (в источнике Тарасев — *старорушенин* [СМА, 147]).

до конца XX в. доля упоминания названия *рушане* уступает доле *старорусцев*: соответственно 10 и 38. Наконец, номинация *рушане* чаще употребляется применительно к современной эпохе либо в контекстах, временная отнесенность которых размыта. *Старорусцы* встречается в таких контекстах лишь дважды (они чтут память Достоевского [Вязинин, 1994, 147], назвали улицу именем художника В. С. Сварога [Там же, 265–266]), в то время как *рушане* — более десяти раз: например, наряду с сельской средой «рушанина в равной мере формировали и окрестности» [Там же, 288]; «благодаря подлинному патриотизму рушан» город сохранил свою самобытность [Там же, 305]; в книге, пишет автор, упомянуты «многие славные рушане» [Там же, 282]; говорится о «подвигах рушан в Отечественных войнах 1812 и 1941–45 гг.» [Там же, 267] и т. д.; наконец, в конце Вязинин благодарит «тех рушан, кто оказал помощь в сборе материала или характеристике отдельных событий» [Там же, 306].

Безусловно, на использование Вязининым определенных номинаций в тех или иных случаях могло оказать влияние словоупотребление в использованной им литературе. Однако идеология, стоящая за вязининским текстом, вполне соответствует описанным выше ожиданиям, связанным с реставрацией названия *рушане* в качестве акта восстановления исторической традиции, которая была разрушена в 1917 г.

В 1990-е гг. название *рушане* окончательно утвердилось в местной печати, хотя можно говорить скорее не о вытеснении этим названием варианта *старорусцы*, но о серьезной конкуренции. На страницах открытой в 1992 г. газеты «Старая Русса» название *рушане* употреблялось с самого начала вполне свободно (хотя и уступая в количественном отношении номинации *старорусцы*), ср.: «Мы, рушане, привыкли к тому, что, вселяясь в новые квартиры, <...> устраняем мелкие недоделки» (09.07.1995) и т. д. При этом в первом номере газета позиционировалась как «зеркало политической, экономической и духовной жизни старорусцев» (04.01.1992), в нач. 1990-х гг. действовала рубрика «К сведению старорусцев» / «Для сведения старорусцев», унаследованная из прекратившей существование «Старорусской правды». К настоящему времени количество текстов, упоминающих *рушан*, существенно выросло, и это видно, в частности, на материале праздничных поздравлений. Например, 31 декабря 1998 г. глава района на страницах газеты обращался к «дорогим старорусцам», а редакция поздравляла с Новым годом «дорогих рушан». В номере к 1000-летию города (18.09.2015) обращения к *старорусцам* содержались в четырех поздравлениях (в общем тексте, подписанном главой района, председателем районной думы, главой города и председателем Совета ветеранов района, а также в поздравлениях от трех предприятий); к *рушанам* были обращены семь текстов (от пяти предприятий и двух частных лиц). В номере, выпущенном ко Дню города 2017 г. (6 июля), семь поздравлений были обращены к *старорусцам*, четыре — к *рушанам*, и еще в одном из текстов в прамбуле поздравляли «всех старорусцев», а в приложенном стихотворении

говорилось, что город бесконечно дорог «всем рушанам». В целом же употребление катойконимов в «Старой Руссе» не регулируется, выбор номинации определяется журналистами либо заказчиками материалов (если речь идет о текстах, созданных в редакции и публикуемых от лица той или иной организации)²⁶. В то же время в газете «Вестник Старорусского края» (основана в 2009 г., до 2011 г. называлась «Старорусская недвижимость») вариант *староруссцы* (именно в такой орфографии) принят как единственный²⁷.

В последние два десятилетия название *рушане* широко используется в местной историко-краеведческой литературе и в изданиях, ориентированных на гостей города. Если, например, в проспекте 1983 г. применительно к современности говорилось: «Любят старорусцы свой город, гордятся его вековой историей» [СР 1983], то в недавно вышедшем проспекте читаем: «Рушане гордятся своим городом, его многовековой историей» [СР 2010, 21]; та же номинация употребляется при описании Великой Отечественной войны и возрождения города после ее окончания [Там же, 23; СР 2012, 12]. В изданиях, содержащих информацию о городских предприятиях и предпринимателях, жители называются и *рушанами* («Рушане пристально следят за изменениями в геополитике России» [СР 2003, 32; ср.: 16, 24, 123]), и *старорусцами* («Многие из нас, старорусцев, отправляются в кафе “Триль”» [ЯГЭЖ, 125; ср.: 3, 59; СР 2004, 7, 8]). Реактуализованная номинация прочно обосновывается и в произведениях местных поэтов (хотя также не вытесняет *старорусцев* полностью), ср. цитаты из стихотворений старорусских поэтов Леонида Кириллова и Александра Кузьмина: «Рушанин — пахарь и рыбак, / Рушанин — люд мастеровой, / Рушанин — воин, если враг / Идёт на Вы, грозит войной» [Кириллов, 2014, 25]; «Память рушан и светла и чиста» [ВПНО, 145] и др.

Необходимо упомянуть также издательскую деятельность, связанную с именем М. В. Горбаневского — московского лингвиста, председателя правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). В 1990–2000-е гг. Горбаневский был активно вовлечен в общественную жизнь Старой Руссы (в частности, инициировал движение за возвращение улиц исторических названий), в том числе участвовал в разного рода социальных и культурно-просветительских проектах. Среди этих проектов стоит упомянуть некоммерческий Фонд «Город Достоевского» (открыт в 2004 г., см. о нем: [КОВ, 110]) и созданный Горбаневским интернет-альманах «Соборная сторона»²⁸ (открыт в 2000 г. как «просветительское, образовательное и информационное издание, активно участвующее в возрождении культуры нашей общей Родины <...> и Старорусского края»; что немаловажно, благословение на создание альманаха

²⁶ Интервью с Е. Н. Николаевой, 1968 г. р. (шеф-редактор газеты «Старая Русса»).

²⁷ Интервью с А. П. Заболоцким, 1961 г. р. (заместитель редактора газеты «Вестник Старорусского края»). Рассмотрение причин редакционной политики выходит за рамки статьи.

²⁸ См. [http://russa.narod.ru]. Альманах издавался на средства ГЛЭДИС. В настоящее время сайт не обновляется.

было получено в 1998 г. от архимандрита Агафангела [КОВ, 109]. В 2000–2005 гг. под грифом «Города Достоевского», «Соборной стороны», а также Старорусского землячества, Общества любителей русской словесности²⁹ и ГЛЭДИС вышло семь изданий, посвященных истории и культуре Старой Руссы, от поэтических текстов до справочной и научно-популярной литературы [Агеева и др., 2002; Горбаневский, Емельянова, 2004; ДСР; Кириллов, 2000; КОВ; Смирнов, 2001; СПАА]; Горбаневский был координатором издательской серии и соавтором некоторых изданий. Как представляется, эти книги, востребованные локальным сообществом, сыграли определенную роль в популяризации названия *рушане*. Хотя употребление катойконимов в них не регламентировалось (к тому же многие издания содержали, наряду с текстами авторско-редакционной группы, публикации различных материалов), там можно обнаружить высказывания, прямо указывающие на предпочтительность именованного *рушане*. Так, в предисловии к одному из сборников М. В. Горбаневский пишет: «Рушане — именно так называют жителей города (не по-новому — старорусцы, а на старинный лад)...» [ДСР, 4], а в совместном с М. И. Емельяновой предисловии к другой книге приводит оба названия как равноправные (краеведение дает возможность «отчетливее ощутить себя рушанами — старорусцами» [Горбаневский, Емельянова, 2004, 5–6]), далее же название *рушане* позиционируется как объединяющее всех жителей:

Все мы <...> в последние годы действительно начали чуть более уверенно осознавать себя как члены одного большого исторического сообщества — *рушане* (выделено в источнике. — М. А.), как обладатели богатейшего историко-культурного наследия и особых старорусских традиций [Там же, 6].

Совсем недавно, в 2014 г., открылся музей «Усадьба средневекового рушанина», реконструирующий усадьбу XII в.³⁰; в музее проводятся мероприятия, рассчитанные на гостей и жителей города. В информационных материалах музея, размещаемых на его сайте [<http://russasol.ru>] и в соцсетях, номинация *рушане* употребляется в том числе в обращениях к горожанам, в интервью сотрудники музея говорили о намеренном ее использовании.

Об усвоении номинации *рушане* могут свидетельствовать данные опроса, проведенного в июле 2017 г. в группе «Газета “Старая Русса”» соцсети «ВКонтакте», в котором приняли участие пользователи 1930–2000-х гг. р. При ответе на вопрос «Как, по вашему мнению, следует называть жителей Старой Руссы?» вариант *рушане* выбрали 156 человек, *старорусцы* и *старорусцы* — вместе 84 человека, 44 человека выбрали варианты, подразумевающие отсутствие разницы между номинациями. При исключении аккаунтов голосовавших, заведомо не живших в Старой Руссе, а также лиц, точные данные о которых установить

²⁹ Возрождено в 1992 г.; в 1996 г. М. В. Горбаневский был избран вице-президентом общества.

³⁰ В разработке проекта участвовали археологи и архитекторы из Великого Новгорода.

не представляется возможным, соотношение получилось следующим: 121/74/42. Разумеется, эти данные следует интерпретировать скорее как подтверждение того, что название *рушане* в настоящее время для значительной части сообщества не является чуждым, а не как точное отражение местного узуса³¹.

Впрочем, нельзя не отметить, что конкуренция названий жителей вызывает сопротивление части сообщества. Некоторые реплики в местной печати свидетельствуют о том, что *рушане* пока еще может восприниматься как «новое» название (в том числе вызывающее отторжение). Так, заведующий отделом информации администрации города и района Ю. А. Никулин отмечал в 2001 г.: «старорусцы, или рушане, как их снова начали называть» [Смирнов, 2001, 80], а краевед А. М. Васильков, со ссылкой на М. И. Полянского отстаивающий корректность именованья *рушэне (sic!)*, в 2014 г. задавался вопросом:

В XX веке жителей города называли «старорусцами», и только с конца XX века, особенно в последнее время, на разных уровнях нас стали называть «рушАнами». Это что, новый бренд? [Васильков, 2014].

Выводы

Таким образом, благодаря актуализации локальной идентичности через посредство взаимодействующих и взаимовлияющих музейного, экскурсионно-краеведческого и земляческого институтов, а также в силу общих социокультурных факторов катойконим *рушане*, долгое время бывший элементом лишь исторического описания, восстановлен в узусе. Определенное влияние на этот процесс шло извне локального сообщества: прежде всего речь идет о членах землячества, многие из которых на протяжении десятилетий жили в Ленинграде, Москве и т. д., и локальная традиция самоименования для них не была актуальной. Наряду с этим сыграли роль и расширение местного книгоиздания, и стирание границ между дискурсом историко-краеведческой литературы и СМИ на общем фоне демократизации языка печати. Можно сказать, что номинация *рушане* во второй половине XX в. приобрела все признаки модного слова (частотность и рост употребительности, демонстративность, актуальность, значимость обозначаемой проблемы и др. [Врублевская, 2017, 48]). Материал Старой Руссы (и, очевидно, ряда других населенных пунктов) позволяет говорить о том, что ойконимические дериваты перспективно рассматривать как зону активности языковой моды (в отличие от собственно ойконимов [см.: Там же, 55]). Постепенно катойконим

³¹ По моим наблюдениям, заявляемое предпочтение одного варианта не исключает употребления в спонтанной речи других. Так, Т. Н. (ок. 1945 г. р., живет в Старой Руссе с 1973 г.) на вопрос о том, как называются жители города, ответила «рушане», привела аргументы в пользу этого названия и критически высказалась о *старорусцах*. Через некоторое время, обсуждая другие темы, Т. Н. сказала о себе, что она *старорусская* (не *рушанка*), а одну из рассказанных историй прокомментировала: «Вот какие наши старорусцы!».

утрачивал специфически исторические коннотации, свойственные ему в сер. XX в., и к настоящему времени он используется для именованя жителей города как вполне нейтральный, а его «возвышенно-книжный оттенок» [Васильев, 2012, 624] стирается.

Напоследок отмечу, что окончательное вытеснение названия *старорушане* (маргинального уже в XIX в.) обусловлено, видимо, не только большей произносительной сложностью по сравнению с *рушане*, но и тем, что последняя номинация, образованная от первоначального названия города, воспринимается как более престижная в силу своей древности.

Источники

- Абрамов А., Зубков А. Еще одна прописка новгородцев // Театральная жизнь. 1982. № 8.
- Алехин Г. Мертвый хватает живого : роман // Нева. 1961а. № 6. С. 3–74; 1961б. № 7. С. 7–76; 1961в. № 8. С. 72–142.
- Алехин Г. Белая тьма. Л. : Лениздат, 1971.
- Алехин Г. Тайна дразнит разум : два романа. Л. : Сов. писатель, 1987.
- Б 1964 — Словарь названий жителей РСФСР / под ред. А. М. Бабкина. М. : Сов. энциклопедия, 1964.
- [Белянинов П. А.] Описание перенесения чудотворной иконы Старорусской Божией Матери из г. Тихвина в г. Старую Руссу Новгородской губернии в 1880 г. Старая Русса : Тип. Н. Г. Осипова, 1889.
- БЛ 1975 — Словарь названий жителей СССР / под ред. А. М. Бабкина, Е. А. Левашова. М. : Рус. яз., 1975.
- Васильков А. Рушенин или рушанин // Вестн. Старорус. края. 2014. 24 дек.
- [Воскресенский А.] Город Старая Русса и его соляно-минеральные источники в медико-топографическом, физико-химическом и врачебном отношениях... СПб. : Воен. тип., 1839.
- ВПНО — Все поэты Новгородской области : сб. стихов Новгор. рег. отд-ния Общерос. обществ. организации «Союз писателей России» / сост. А. Н. Молоканов. Вып. 2. Великий Новгород : [б. и.], 2010.
- Вязинин И. Н. Старорусский край: Очерки по истории города и района с древнейших времен до наших дней. [Б. м.] : Кн. ред. газ. «Новгородская правда», 1958.
- Вязинин И. Н. Южное Приильмень (Перераб. и доп. изд. книги «Старорусский край»). [Б. м.] : Кн. ред. газ. «Новгородская правда», 1963.
- Вязинин И. Н. Старая Русса. Л. : Лениздат, 1967 ; [2-е изд.]. Л. : Лениздат, 1972 ; 3-е изд., перераб. и доп. Л. : Лениздат, 1980.
- Вязинин И. Н. Старая Русса в истории России. Новгород : Кириллица, 1994.
- Горбаневский М. В., Емельянова М. И. Улицы Старой Руссы: История в названиях. М. : Медея, 2004.
- Городецкая И. Л., Леваинов Е. А. Русские названия жителей : словарь-справочник. М. : Рус. словари : АСТ : Астрель, 2003.
- Дробышевский Л. Г. Старая Русса (Руководство для экскурсантов и туристов). Новгород : Новгородская правда, 1957 ; 2-е изд., испр. и доп. [Новгород] : Кн. ред. газ. «Новгородская правда», 1962.
- ДСР — Достоевский и Старая Русса : библиогр. путеводитель / авт.-сост. М. В. Горбаневский и др. М. : Медея, 2003.
- Емельянова М. Ярче раскрывать историю города // Старорус. правда. 1972. 23 авг.
- Ефимкина Э. По туристским маршрутам // Старорус. правда. 1985. 20 февр.
- Каниовский В. П. Старая Русса и ее Курорт. СПб. : [б. и.], 1910.
- Кириллов Л. Садко: Поэтическое сказание. М. : Барс, 2000.
- Кириллов Л. И. Родниковая столица. Великий Новгород : [б. и.], 2014.

- КОВ — Край, опаленный войной: Северо-Западный фронт и его музей в Старой Руссе / сост. А. Ф. Иванова, М. В. Горбаневский. М. : Престиж, 2005.
- Кривцов Н. Взгляд с Живого моста [Электронный ресурс] // Вокруг света. 1995. № 8. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1261>.
- Левашов Е. А. «Москвичи и иных мест люди...». Л. : Наука, 1968.
- Левашов Е. А. Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей : словарь-справочник. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.
- Лудилина М., Карелин М. Земляки — родному городу // Старорус. правда. 1986. 19 авг.
- Марченко В. И. Словенское море : повести, рассказы. М. : Сов. писатель, 1987.
- Мироснова В. Новое о Старой Руссе // Наука и жизнь. 1986. № 2. С. 50–53.
- ПДГ — По древнерусским городам / сост. Б. В. Емельянов. М. : Профиздат, 1983.
- Полянский М. И. Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. СПб. : Типо-лит. В. И. Павлова, 1885.
- ППК — Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. / сост. И. Ю. Анкудинов. М. : Рукоп. памятники Древней Руси, 2009.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Т. 10 : 1737–1739. СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. ЕИВ Канцелярии, 1830.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 3. Вып. 1 : Новгородские летописи. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1879; Т. 23 : Ермолинская летопись. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910.
- Пылаев В. Старая Русса: Исторический очерк города. Ч. 1. Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1916.
- Пылаев В. А. Старорусский край: Природа и население. Новгород : [б. и.], 1929.
- Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Л. : Лениздат, 1969.
- РОС — Русский орфографический словарь / Рос. академия наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; редкол. : отв. ред В. В. Лопатин. М. : Азбуковник, 1999.
- [Сахаров И.] Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. 3-е изд. Т. 1. Кн. 2. СПб. : Тип. Сахарова, 1841.
- Сергий, иеромонах. Летопись Старорусского Спасо-Преображенского первоклассного мужского монастыря... Новгород : Паровая тип. А. С. Федорова, 1896.
- СМ — Старорусские музеи / сост. Г. Н. Архипов. Л. : Лениздат, 1982.
- СМА — Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6 : Псков и его пригороды. Кн. 2. М. : Печатня А. Снегиревой, 1914.
- Смирнов Г. И. Скотопригоньевск и Старая Русса: к 180-летию Ф. М. Достоевского / сост. и предисл. М. В. Горбаневского. М. : Лурена, 2001.
- СПАА — Старорусский пастырь архимандрит Агафангел / отв. ред. М. В. Горбаневский. М. : Медея, 2005.
- СР 1983 — Старая Русса : проспект / сост. и автор текста А. Ф. Иванова. Л. : Лениздат, 1983.
- СР 2003 — Старая Русса — город с крыльями : альманах. М. : Медиа-масс, 2003.
- СР 2004 — Старая Русса: Производство. Торговля. Услуги. Старая Русса : [б. и.], 2004.
- СР 2010 — Старая Русса встречает гостей : [проспект]. [Б. м. : б. и.], 2010.
- СР 2012 — Старая Русса : путеводитель по городу и окрестностям / под ред. Ю. Труфановой. [Б. м. : б. и.], 2012.
- ССМГ — Судные списки Максима Грека и Исака Собака / под ред. С. О. Шмидта. М. : [б. и.], 1971.
- Тихомиров П. И., протоиерей. Кафедра новгородских святителей... Т. 1. Новгород : Типо-лит. Губ. Правления, 1891.
- Ушин А. А. Торжество перенесения чудотворной иконы Старорусской Божией Матери из г. Тихвина в г. Старую Руссу, Новгородской губернии... СПб. : Тип. Ю. Штауфа, 1889.
- Шефнер В. Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде: Летопись впечатлений // Звезда. 1976. № 8. С. 53–119.
- ЯГЭЖ — «Я городом этим живу...». Старая Русса: Люди, судьбы, факты. Вып. 1 / гл. ред. А. Н. Банковский. Старая Русса : [б. и.], 2004.

Исследования

- Агеева Р. А., Васильев В. Л., Горбаневский М. В.* Старая Русса: Тайны имени древнего города / под ред. М. В. Горбаневского. М. : Мельгир, 2002.
- Ахметова М. В.* «Неправильное» именование как оскорбление (об одном аспекте вариантности катойконимов) // Шаги / Steps. 2015. Т. 1. № 1. Р. 19–38.
- Ахметова М. В.* Стратегии номинации и «языковая политика»: названия жителей городов [Электронный ресурс] // Лабиринт. 2016. № 5. URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/12/Akhmetova.pdf>.
- Ахметова М. В.* Орфографическая вариативность катойконимов в XX–XXI вв.: *миас(с)цы, старорус(с)цы* и др. // Ономастика Поволжья : материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию первой Поволжской ономастической конф. и памяти ее организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сент. 2017 г.) : в 2 т. / под ред. С. В. Рябушкиной и др. Ульяновск : УлГПУ им. Н. И. Ульянова, 2017. Т. 2. С. 16–23.
- Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М. : Рукоп. памятники Древней Руси, 2012.
- Врублевская О. В.* Языковая мода в русской ономастике. Волгоград : Перемена, 2017.
- Генкин В. М.* Социолингвистический аспект катойконимической номинации // Весн. Вицеб. дзярж. ун-та. 1997. № 1. С. 9–13.
- [*Голянова Е. И., Крысин Л. П.*] Словообразовательные варианты наименования жителей и их социальное распределение // Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / под ред. Л. П. Крысина. М. : Наука, 1974. С. 296–308.
- Горпинич В. А.* Катойконимия русского языка // Рус. языкознание. 1992. Вып. 25. С. 118–130.
- Дементьев К. И., Дементьева М. А.* Печатное слово о Старой Руссе. Новгород : [б. и.], 1990.
- Зализняк А. А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М. : Языки славянской культуры, 2014.
- Какорина Е. В.* Сфера массовой коммуникации: отражение социальной дифференцированности языка в текстах СМИ // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 241–276.
- Литягин А. А., Тарабукина А. В.* К вопросу о центре России (топографические представления жителей Старой Руссы) // Русская провинция: Миф — текст — реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М. ; СПб. : [б. и.], 2000. С. 334–347.
- Моисеева Е. С.* Соотношение ойконимической и патронимической субстантивной лексики // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2010. № 15 (19). С. 31–35.
- РЯК — Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. М. : Языки русской культуры, 1996.
- Юхнович В. И.* Культурное пространство Старой Руссы (аспекты изучения локального текста). СПб. : Изд-во СПбГУЭСЭ, 2011.
- Gal S.* Multiplicity and contention among ideologies: A commentary // Pragmatics. 1992. Vol. 2. № 3. P. 445–449.
- Woolard K. A.* Language ideology: Issues and approaches // Pragmatics. 1992. Vol. 2. № 3. P. 235–249.

Рукопись поступила в редакцию 26.01.2018

Ахметова Мария Вячеславовна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Школа актуальных гуманитарных
исследований,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82,
ауд. 2405
E-mail: malinxi@rambler.ru

Akhmetova, Maria Vyacheslavovna

PhD, Senior Researcher
School of Advanced Studies
in the Humanities
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
82, Vernadsky Ave., room 2405
119571 Moscow, Russia
E-mail: malinxi@rambler.ru

Maria V. Akhmetova

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia

**ON THE REVIVAL OF ONE ANCIENT RUSSIAN KATOIKONYM:
*STARAYA RUSSA***

The paper discusses variations in naming the residents of the Russian town Staraya Russa from the end of the 19th to the beginning of the 21st century. The author focuses on naming strategies in different types of texts (media, historical literature, fiction etc) and observes how the balance of popularity changes against the times and context. In the late 19th — early 20th centuries, the designation *starorustsy* (*staroruset* sg. m., *staroruska* sg. f.) was more common compared to other variants, *starorushane* and *rushane*, which have appeared in the Russian language in the Middle Ages and the Early Modern period. In the Soviet period, *starorustsy* became a predominant variant in the only regional newspaper (and also in speech), so that is practically outlawed other variants as their use was confined to historical contexts. At the end of the 1960s, the ancient demonym *rushane* pl. (*rushanin* sg. m., *rushanka* sg. f.) regains its ground due to the increasing interest in local history and the rise of cultural awareness among the residents (observed in the development of inner tourism, support of local historians' initiatives, and creating a community of Staraya Russa). In 1980–1990s, with the growing relevance of sociocultural context and discussions about Russian history in general, the demonym *rushane* was completely restored, which resulted both in its stylistic neutralization in the language of the regional newspaper, and the fact that it now refers to the contemporary inhabitants of the town.

К е y o r d s: katoikonoms, demonyms, names of inhabitants, historical reflection, language of media, local identity, Staraya Russa.

Ageeva, R. A., Vasilyev, V. L., & Gorbanevsky, M. V. (2002). *Staraiia Russa: Tainy imeni drevnego goroda* [Staraya Russa: Secrets of the Ancient Town's Name]. Moscow: Mel'gir.

- Akhmetova, M. V. (2015). “Nepравil’noe” imenovanie kak oskorblenie (ob odnom aspekte variantnosti katoikonimov [“Irregular” Naming as Abuse (On One Aspect of Variation in Katoikonyms)]. *Shagi / Steps*, 1(1), 19–38.
- Akhmetova, M. V. (2016). Strategii nominatsii i “iazykovaia politika”: nazvaniia zhitelei gorodov [Naming Strategies and “Language Policy”: Names of Town Residents]. *Labirint*, 5. Retrieved from <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/12/Akhmetova.pdf>.
- Akhmetova, M. V. (2017). Orfograficheskaia variativnost’ katoikonimov v XX–XXI vv.: *mias(s)tsy, starorus(s)tsy i dr.* [Orthographical Variation of Katoikonyms in the 20th–21st Centuries: *mias(s)tsy, starorus(s)tsy* etc]. In S. V. Riabushkina et al. (Eds.), *Onomastika Povolzh’ia: Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 16th International Conference] (Vol. 2, pp. 16–23). Ulyanovsk: UIGPU im. N. I. Ul’ianova.
- Demytyev, K. I., & Demytyeva, M. A. (1990). *Pechatnoe slovo o Staroi Russe* [The Print Word about Staraya Russa]. Novgorod: [s.n.].
- Gal, S. (1992). Multiplicity and Contention among Ideologies: A Commentary. *Pragmatics*, 2(3), 445–449. <https://doi.org/10.1075/prag.2.3.08gal>
- Genkin, V. M. (1997). Sotsiolingvisticheski aspekt katoikonimicheskoi nominatsii [Sociolinguistic Aspect of Katoikonymic Nomination]. *Vesnik Vitsebskaga dziazhaunaga universiteta*, 1, 9–13.
- Golanova, E. I., & Krysin, L. P. (1974). Slovoobrazovatel’nye varianty naimenovaniia zhitelei i ikh sotsial’noe raspredelenie [Derivational Variants of Inhabitants’ Naming and Their Social Distribution]. In L. P. Krysin (Ed.), *Russkii iazyk po dannym massovogo obsledovaniia: Opyt sotsial’no-lingvisticheskogo izucheniia* [Russian Language by the Data of a Mass Survey: A Sociolinguistic Study] (pp. 296–308). Moscow: Nauka.
- Gorpinich, V. A. (1992). Katoikonimiia russkogo iazyka [Katoikonymy of the Russian Language]. *Russkoe iazykoznanie*, 25, 118–130.
- Kakorina, E. V. (2003). Sfera massovoi kommunikatsii: otrazhenie sotsial’noi differentsirovannosti iazyka v tekstakh SMI [Mass Communication: A Reflection of Social Differentiation in the Language of the Media]. In L. P. Krysin (Ed.), *Sovremennyi russkii iazyk: Sotsial’naia i funktsional’naia differentsiatsiia* [Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation] (pp. 241–276). Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury.
- Lityagin, A. A., & Tarabukina, A. V. (2000). K voprosu o tsentre Rossii (topograficheskie predstavleniia zhitelei Staroi Russy) [On the Question of the Center of Russia (Topographical Concepts of Staraya Russa’s Inhabitants)]. In A. F. Belousov, & T. V. Tsivyann (Eds.), *Russkaia provintsiia: Mif — tekst — real’nost’* [Russian Province: Myth — Text — Reality] (pp. 334–347). Moscow; St Petersburg: [s.n.].
- Moiseeva, E. S. (2010). Sootnoshenie oikonimicheskoi i patronimicheskoi substantivnoi leksiki [Correlation between Oikonymic and Patronymic Vocabulary]. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 15(19), 31–35.
- Vasilyev, V. L. (2012). *Slavianskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavonic Toponymical Antiquities of the Land of Novgorod]. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Vrublevskaya, O. V. (2017). *Iazykovaia moda v russkoi onomastike* [Linguistic Trends in Russian Onomastics]. Volgograd: Peremena.
- Woolard, K. A. (1992). Language Ideology: Issues and Approaches. *Pragmatics*, 2(3), 235–249. <https://doi.org/10.1075/prag.2.3.01woo>
- Yukhnovich, V. I. (2011). *Kul’turnoe prostranstvo Staroi Russy (aspekty izucheniia lokal’nogo teksta)* [Cultural Space of Staraya Russa (Aspects of the Study of the Local Text)]. St Petersburg: Izd-vo SPbGUSE.
- Zaliznyak, A. A. (2014). *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar’* [Old Russian Accent: General Information and a Dictionary]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury.
- Zemskaya, E. A. (Ed.). (1996). *Russkii iazyk kontsa XX stoletii (1985–1995)* [Russian Language of the Late 20th Century (1985–1995)]. Moscow: Iazyki russkoi kul’tury.